

Клон

МОЕЙ ЖЕНЫ

АСЯ ВАКИНА

18+

Ася Вакина
Клон моей жены

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Вакина А. Ю.

Клон моей жены / А. Ю. Вакина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Я родилась сразу взрослой, потому что я – клон его жены... Он смотрел на меня внимательно сквозь стекло, а я смотрела на него. Его образ будто был выгравирован в моем сердце, моем сознании, в каждой клеточке моего тела. В его глазах я видела боль и вместе с тем надежду. В этом мире так просто сделать человека игрушкой, или игрушку человеком. Я запуталась...

Клон моей жены

Пролог

Стеклянные стены, закрыты жалюзи, пол затемнен на время спаривания. Но это не спасает. Потолок – видеокамера. Нас видят. Мы под наблюдением Совета по вопросам нации, Отдела семьи и брака. Каждый наш жест, каждое движение запишется определением в личное дело каждого и досье семьи, которую мы вскоре создадим.

Моей паре предложили на выбор: возбуждающие таблетки и механику. И она выбрала второе. Я вижу ее обнаженную спину. Правой рукой она делает себе массаж промежности, чтобы к моменту спаривания ее половые органы были полностью готовы.

Я тоже обнажен. Стою у закрытой двери и смотрю на нее. Она взволнована предстоящим. Я чувствую, как дрожат ее руки.

До спаривания нам не положено знать имен друг друга. Советом определено, что мы подходим, значит, так тому и быть. Ни один здравомыслящий член общества не усомнился в проводимой политике. Да это было бы очень неразумно.

Услышав, что я вошел, она обернулась и замерла. В ее голубых глазах застыл испуг. Она перестала дышать. Светло-русые волосы распущены и длиной доходят до выпирающих от неловкого движения лопаток. Я оценил ее, как красивую. И мысленно порадовался, что мне досталась именно такая.

– Привет, – поздоровался, не в силах больше молчать, сделал несколько осторожных шагов навстречу. Она робко, но оценивающе разглядывала мое обнаженное тело, отчего легким покалыванием мурашки побежали по коже. В комнате не должно быть прохладно, климат-контроль обеспечивал комфортную температуру. Но, тем не менее, я весь внутренне дрожал. К тому же стало трудно дышать, будто все системы вентиляции помещения разом дали сбой. С моей парой происходило то же. И я решил непременно выяснить, в чем дело, предъявить за ненадлежащее содержание важных комнат. Но сделать это я собирался потом. Потому что теперь передо мной стояла важная задача спаривания.

– Что мне нужно сделать? – очень тихо спросила она, повернувшись ко мне лицом. Ее груди всколыхнулись, и это движение отдалось в моем теле странными ощущениями. Мой половой орган потяжелел, и, помимо моей воли, начал увеличиваться в размерах и подниматься кверху. Это и должно было произойти, но полного механизма я не понимал. Не мог понять и осознать, что всего лишь вид обнаженной самки моментально приводит к таким изменениям во всем моем организме.

Я оторвался от рассматривания ее ладного, как мне показалось, тела и осмотрел кровать. Белая. Простынь, как и полагается по стандартам спаривания, сильно натянута. Подушек несколько. Их предназначение нам обоим известно.

Мне не хочется смотреть в ее глаза. И я не могу объяснить, почему. Но хочется провести эти несколько минут достойно. Жаль, что о степени понимания этого параметра я не имею ни малейшего представления, ровно, как и моя партнерша.

– Встань на колени, – произношу я, потому что эта поза кажется мне наиболее подходящей. Она послушно идет до кровати и встает лицом к изголовью и спиной ко мне... Наклоняется... Встает на локти. Ноги слегка расставлены. Она больше не делает себе массаж промежности, из чего я делаю вывод, что весь ее организм готов. Но я не могу сдвинуться с места! Ноги не слушаются и, кажется, что подкашиваются. Если я не болен, и это нормальное мое состояние в момент спаривания, то я совершенно обескуражен тем, почему никто не предупреждает нас о подобном! Или, может, болен?... Тогда, наверное, мне стоит покинуть помещение и перенести процедуру на более подходящее время. Но я не могу сдвинуться с места, чтобы уйти.

Моя пара стоит смиренно, иногда переминаясь с ноги на ногу. Я не вижу ее лица. Я вижу ее промежность – ту часть, в которую я должен внести свое семя. Мне нравятся эти розовые складочки, едва блестящие от выделившейся после подготовки влаги. Медленно я стал приближаться. В конце концов, это точно не сложнее расчетов семизначных кодов на кораблях с параллельными радиусами. Мой половой орган готов, его, будто сводило приятной судорогой, и он прижимался мне к животу. Я потрогал его. Он был каменный и немного посиневший. Из «Пояснений по спариванию» можно было сделать вывод, что нужное состояние достигнуто. По всем видимым мне признакам самка тоже была готова. Впрочем, спрашивать об этом ее я не собирался, чтобы не показаться невеждой в данном вопросе, который все лицеисты должны непременно сдать на «звездочку» и быть допущены к созданию семьи.

После окончания спаривания нас представят друг другу и поселят вместе. По всем медицинским параметрам она идеально мне подходит. К тому же от нее могут появиться достойные члены нашего общества...

Я коснулся ладонью ее бедра, другой рукой приставляя член между ее розовых складочек половых губ. Самка вздрогнула, будто не ожидала. Сердце в груди бешено колотилось и, казалось, с моим организмом творится что-то странное. Я усиленно задышал, чтобы кровь смогла в достаточном количестве снабжать мой мозг кислородом. Но от этого пах только сильнее светло. Моя ладонь лежала на ягодице самки, и, может, потому нестерпимо хотелось пройтись рукой по всему ее телу, попробовать на ощупь, оценить, сравнить фактуру со своей кожей. И совершенно правильно подобные действия были строго запрещены при первом спаривании. Я слышал даже, что было несколько случаев, когда Совет прекращал спаривание и строго наказывал виновника или виновницу. Конечно, если я начну лапать ее тело, то совершенно позабуду об основной своей цели.

Мой член стоял у входа во влагалище самки. А я зачарованно рассматривал ее округлые формы. Все мои скудные на тот момент представления о красоте и совершенстве слились воедино в ее обнаженной фигуре. Мне чертовски хотелось опустить голову и вдохнуть ее аромат, тот неповторимый, который щекотал ноздри еле уловимыми цветочными нотками. Мысли рождали весьма странные фантазии о том, как я попробую ее груди на вкус. И поцелуй – этот пережиток прошлого, архаизм, в тот момент не казался таким диким и невероятным. В файлах старинных книг писалось, что раньше даже посасывали друг другу языки. Ужасно. Мерзко. Полное отсутствие уважения к самке и жене. Разумеется, я разыскал эти сведения в запрещенной литературе, которую... впрочем, это совсем не важно.

Шумно выдохнул и сделал усилие, чтобы протиснуться в ее узкую дырочку. Так тесно. Она уперлась сильнее локтями, видимо, чтобы мне помочь. Поводил членом вверх и вниз по складочкам, что оказалось очень приятно. Настолько, что я невольно прикрыл глаза. Наконец, собравшись и четко установив совсем онемевший орган в раскрытые губы, я сжал ее бедра и резким толчком вклинился. Самка сжала кулачки и заскулила. Проникновение было неполным. А все потому, что ее щель оказалась очень узкой. Мой член светло еще больше. И на секунду даже показалось, что его там придавило, хотя характерной боли или неприятных ощущений не было. Наоборот. Она горела внутри огнем. Жарким. Приятным до одури и потемнения в глазах. Я прижал бедра самки к себе, до упора натягивая ее. Она стонала, видимо, испытывая боль. Но как же мне стало на это плевать в тот момент! Хотелось еще глубже в нее проникнуть. Не думать о долге, уважении к партнерше, ее здоровье и своей будущей карьере ученого...

Я резко вынул член и снова вошел, ощутив прилив сил, уверенности и какой-то чисто животной ярости. Повторив, я начал медленно двигаться, отчего кожа на моем половом органе ерзала туда и сюда. Мне казалось, что это с меня снимают кожу, я меняюсь и становлюсь абсолютно другим. Я вошел в эту комнату юношей, а выйду не просто мужчиной. Все в моей личности с того самого памятного дня будет завершено. И ничего не изменится более...

Самка попискивала. Я наращивал темп, все сильнее и резче шлепая по ее мокрой от соков дырочке. Она немного расширилась, но все равно надо было прикладывать усилие, чтобы вклиниться в нее. Я прошелся взглядом по ее чуть тронутой загаром спине, задержался на выпирающих лопатках, милых и напряженных от моих толчков. Рассмотрел блестящие прямые гладкие пряди волос, упавших в тот момент ей на лицо. Она склонила голову и мученически выдерживала то испытание, которому я ее подвергал. Мне понравилось это ее мужество. Я не знал, как делают другие, не знал, как надо делать и как будет правильно. Для нас таких понятий не существовало. Пара создавалась единожды, предварительно пройдя моральную и информационную подготовку. Была всегда истинной, другого не дано. Государство обо всем подумало, всех исследовало.

И когда я изо всех сил инстинктивно прижал ее бедра к себе, застонав, будто от боли, но совсем не от нее, а от внезапного, хлынувшего на меня удовольствия, и мои чресла, наконец, освободились от того самого ощущения тяжести, когда я почувствовал, что значит излить свое семя, когда мой разум в одну секунду просветлел, а мне захотелось уйти, я понял одно – спаривание освободило мою душу. Отступив на шаг назад, еще раз внимательно осмотрел место свершенного процесса. Еще совсем недавно нежно-розовые складочки, стали красными. Кровь была размазана по гениталиям и попе самки. Зачем случилось так? Зачем эта идеальная красота превратилась в поле сражения?..

– Я закончил... – хрипло отозвался я. – Ты можешь встать...

Когда она с трудом попыталась сесть, удерживая свое тело на вытянутых руках, когда тонкие пальцы вцепились в белоснежный край кровати, когда я увидел, что щеки ее мокрые от слез, а из груди то и дело вырываются сдерживаемые всхлипывания, я потерял дар речи. Она втягивала голову в худенькие плечи и совсем на меня не смотрела. Все ее тело напоминало в тот момент напряженный и наэлектризованный комок. Он принадлежал мне. Я был ответственен за всю ту боль, которую ей пришлось пережить и которую я не заметил, чутко вслушиваясь только в свои ощущения. Боль, которую она мне не простит никогда...

Глава 1

– Давай же, Адам... – прошептала она мне нежно на ухо, – никто ничего не узнает... Ты прекрасно знаешь, как можно избавиться на время от навязчивого наблюдения... Не зря отец разрешил нам поселиться за городом. Здесь нет пристального наблюдения... Это я его попросила.

– Но зачем? – я смотрел на нее непонимающе.

Мы впервые оказались в нашей новой квартире элитного поселка на окраине города. Я мог бы и сам дождаться очереди, на которую мы с Юсей встали сразу после Церемонии Штампа. Но ее отец, стоящий во главе Совета, поспособствовал тому, чтобы нашу первую годовщину мы встретили здесь.

Она посмотрела на меня заискивающе и одновременно маняще. Я не мог припомнить, когда она освоила это сильнодействующее на меня оружие – взгляд. То он был властный и холодный, как у Верховной Хельды из Совета, то мягкий, как на электронных копиях старинных картин, то темный и манящий, часто возникающий в минуты спаривания. Меня тянуло к ней с невероятной силой. И в то же время я боялся ее безудержности.

С момента нашего первого спаривания и каждый последующий день я убеждался лишь в одном – я не знал свою жену и не смогу до конца разгадать никогда. Ее частые перемены настроения вводили меня в ступор, заставляли задумываться и задавать единственный вопрос – почему она не такая, как все?

– Что у тебя сегодня на уме, Юся? – спросил я, улыбнувшись.

– Не на камеру, – шепнула она мне на ухо, не выпуская мою руку из своей.

– Хорошо, – согласился я и достал из кармана замедлитель, который смастерил неделю назад, чтобы воровать время в момент спаривания. Жалюзи на стеклянных стенах упали, скрывая нас от посторонних глаз...

Дело в том, что нам с Юсей катастрофически не хватало отведенных пятнадцати минут. Спешка в конце акта каждый раз оставляла ощущение незавершенности и какой-то горьковатый привкус у нас обоих. И тогда я стал думать, каким образом можно обмануть время. Конечно, я сознавал, на какое преступление иду, даже в мыслях позволяя себе конфликтовать с установленным порядком. Но влажные складочки моей Юси быстро разрушили все возможные барьеры отговорок, которые я возводил в своем сознании в тот момент, когда выход был найден. Механизм был прост в использовании. Исходящий луч замедлял прокрутку камеры, а время шло по-прежнему. Поэтому, когда мы уже готовы были инсценировать окончание, я направлял его повторно, и дальнейшие записанные в памяти действия удалялись безвозвратно. На записи же могло возникнуть лишь ощущение так называемого «съеденного кадра», не более того. А учитывая то, что к семье дочери Верховного Главы Совета никто особо не присматривался, все наши шалости проходили довольно-таки гладко.

– Поцелуй меня... – произнесла она, приблизившись ко мне вплотную.

– Что?.. – Каждый день с ней я ощущал себя случайно заброшенным на ее полную неожиданностей планету.

Она встала на цыпочки и, притянув одной рукой меня за шею, коснулась своими теплыми и мокрыми губами моих губ, при этом закрыв глаза. Я видел, как трепетали ее пушистые ресницы, а на щеках появился стыдливый румянец, почти такой же, какой был в день нашего первого спаривания. Я не оттолкнул ее, как должен был. Воскресший внезапно пережиток прошлого, несший в себе неуважение и презрительное отношение к самке – так было написано в многочисленных трактатах на тему семьи – оказался очень приятным. Я не смог противостоять нахлынувшему на меня возбуждению. В одну секунду мое сердце заколотилось так, будто я только что прошел самую усиленную тренировку по подготовке к полетам. И половой орган невыносимо напрягся.

Ее руки гладили мое лицо, и я невольно притянул ее за талию к себе. Она слегка раскрыла губы и мягким горячим языком проникла внутрь моего рта. Я последовал ее примеру, впустил и коснулся своим языком ее. Передать, что со мной произошло, словами невозможно. Полное ощущение того, что я держу в руках оголенные провода! Электрические разряды проходили через все мое тело, передаваясь и Юсе тоже.

Мы целовались! Немыслимо, невообразимо! Отвратительно и до ужаса приятно!.. Как странно, почему этот процесс был навсегда забыт и запрещен между самкой и самцом?..

– Юсечка... Юся... Так нельзя... Разве ты не знаешь? – я сам не понял, как начал касаться губами ее кожи на лице, спускаясь по шее все ниже.

– Это еще не все... что я хотела попробовать... – задохнулась тихим шепотом она.

– Мы ведь больше не позволим себе этого, правда? – я уже собирался ее перевернуть спиной и, наклонив у кровати, начать спаривание, но она, повторяя ощупывание моей кожи губами, слегка укусила меня в шею.

– Аааа... – я сжал ее, не в силах больше выпустить. – Юся... так я не дойду до спаривания... Семя прольется мимо...

– Адам... Прошу тебя, сдержись... Мне очень нужно...

Она отстранилась от меня и отошла на пару шагов назад, оказавшись рядом с кроватью.

– Целовались раньше не только в губы... – и она стала медленно поднимать подол своей коротенькой расклешенной юбочки. – Целовали друг друга и там тоже...

Она медленно опустила на кровать. Широко раздвинула ноги и подняла подол... Трусики не было. Розовые аккуратные складочки слегка поблескивали.

– Поцелуй меня там... – прошептала она.

В висках гулко стучала кровь. То, что она предлагала мне сделать, могло расцениваться, как уголовное преступление! Зачем моей Юсе нужно, чтобы я преступил закон? Разве возможно предавать истинную пару? Да, беременность у нее вот уже целый год не наступала. Но электронное ежемесячное обследование раз от раза показывало, что все в порядке и у меня, и у нее.

Она хотела, чтобы я оставил свою слюну на ее гениталиях. Не испытывала отвращения, не думала о возможном нарушении биологической среды половой щели. Тогда о чем она думала? О чем?

Ее увлечение историей семейных отношений меня не радовало. Точнее, пугал ее задумчивый вид после прочтения нескольких трактатов с грифом «Совершенно секретно». Они меняли ее мысли, внося сумятицу. Всегда по приходу из архива она сначала долго молчала, видимо, обдумывая прочитанное. А потом начинала переносить процессовые архаизмы на нашу жизнь. Я старался ни о чем не спрашивать, надеясь, что она и сама в состоянии принять правильное решение и вовремя добровольно отказаться от запретного. Но в итоге и сам попал в эту «черную дыру» прошлого...

Да! Как не стыдно признать, я подошел к постели и встал перед Юсей на колени. Несмотря на совершенно невыносимое желание спариться, в тот момент я собирался ей что-то возразить. Но она схватила мою голову и резко притянула к своей промежности. Инстинктивно я схватил ее за бедра обеими руками. Втянул носом воздух и этот сладковато-терпкий запах, который я ощущал отдаленно при спаривании, вдруг ударил мне в лицо с такой невероятной силой, что я совершенно обо всем забыл. Мои губы коснулись, наконец, розовых складочек самки... Я закрыл глаза и дотронулся до выпуклой горошины языком. Это было незабываемо. Вкусно. Скользнул по тонким лепесткам внутренних губ и погрузился языком туда, где бывал только мой член. Юся откинулась на спину, закинув руки за голову. Она скулила, стараясь делать это как можно тише. В новой комнате могли стоять прослушки. Но о чем это я, когда мы только что нарушили все мыслимые и немыслимые законы!

Я крепко сжал ладонями ее ягодицы, проникая внутрь нее языком, изредка выныривая из этой поглотившей весь мой рассудок бездны, чтобы в следующий момент с радостью погрузиться туда вновь.

Когда мне вдруг пришло в голову ближе познакомиться с ее клитором, я принялся аккуратно посасывать его губами, быстро двигая языком по нему. Юся заметалась по постели. Ее руки беспорядочно перескакивали то на подушки, то на простыню, резко хлопая по ним, то с одной, то с другой стороны. Не останавливала, значит, допускала такие мои действия. Слегка потряхивала бедрами, насколько ей позволяла моя мертвая хватка.

Я дышал прерывисто, за год спаривания точно уяснив, что воздуха мне не хватает из-за сильного возбуждения. Это было нормально, хотя я так и не помнил, чтобы встречался с подобным фактом в каких-либо обучающих файлах. Внезапно мне захотелось ее лизать, проходя по промежности длинными мокрыми дорожками, словно старинный художник небрежными взмахами широкой кисти. И я принялся это делать, совпадая с ритмом своих обычных фрикций. Через несколько секунд моя самка закричала...

Ее клитор пульсировал и сокращался, а из узкой щели потекла едва заметная струйка. Она пахла невыносимо сильно, до того притягательно, что у меня кружилась голова. А пах так сильно тянуло, будто в живот мне наложили несколько килограммовых камней.

- Переворачивайся... – хрипло выдавил из себя я, ощущая, как болит весь мой пах.
- Нет! – запротестовала Юся и разом села на кровати. – Садись на мое место.
- Я больше не выдержу, честное слово, – выдохнул я обреченно. – Это под запретом...
- Тшшш, – приложила она палец к моим губам. – Садись.

Я повиновался, потому что и вправду почувствовал себя сильно измотанным. Резким движением она толкнула меня в грудь, и я откинулся на спину. Ее быстрые пальчики скольз-

нули к замку на моих штанах, пробежались по кнопочкам, и пояс ослаб, чем доставил мне массу удовольствия. На окаменевшем члене я почувствовал ее прикосновения. Задержав дыхание, я мысленно приказал себе – не изливать. Начинающийся внутри меня ураган стал немного терять силу, но... Юся прикоснулась к головке губами! Желая прогнать напор, я ударил рукой по простыни. Жена вздрогнула, но не отступилась. Я зажмурился! От осознания того, что она вбирала мой половой орган мягкими губами, погружая все глубже в рот, показалось, что сознание скоро покинет меня. Когда я почувствовал, как ее губы сомкнулись почти у основания члена, из груди моей вырвался стон. А она втянула еще, всасываясь и сжимая окаменевший орган сильнее. Не могу точно описать, что творилось с моим телом, потому что тело я ощущать перестал. Все мое внимание сосредоточилось на ее губах и моем нестерпимом желании в них излиться...

Она сосала медленно и быстро, по-разному, но одинаково желанно. И во второй раз я подумал: почему... почему это запрещено? Казалось, мозг в этот день раздвигал все больше границы дозволенного. И происходило это до тех пор, пока, зарывчав, словно дикий зверь, я не излил семя прямо ей в рот...

Она глотала! Возбужденно пила, закрыв глаза, будто из меня лился сахарный сироп или игристое вино.

– Юся! – выкрикнул я, внезапно протрезвев. – Что я наделал?!

Глава 2

Она умерла...

Не оставив мне ничего взамен...

Моя самка... Моя истинная пара...

Я остался один, и не было мне в этой жизни утешения...

Было ли что-то в моей жизни, кроме нее?..

Тусклый свет, дозволенный в моменты скорби, приводил меня в состояние, граничащее с небытием. Небольшими глотками я пил из пластиковой герметичной бутылки густое месиво, якобы способное вывести меня из моего скорбного состояния. Сделаю вид, что это возможно. За мной установлена слежка. Оказывается, не все еще законы были мной нарушены. Остались мелочи, типа добровольного лишения жизни и причинения тяжкого вреда здоровью. Если этого удастся избежать при помощи сильнодействующих успокоительных смесей, прописываемых в обязательном порядке таким, как я, то, по правилам, через три месяца максимум мне должны подобрать другую истинную пару. От этого «подарка» Совета я отказался. Наотрез.

Жить в одиночестве тоже возможно. Только режим опускания жалюзи будет теперь раз в неделю вместо положенных двух. Этот единственный раз временным отрезком в десять минут выделен на то, чтобы я сам мог снимать себе напряжение. Онанизм, запрещенный в студенческие годы и в семейной жизни. Теперь до моего семени Отделу семьи при Совете нет никакого дела.

Недолго поразмыслив, решил, что это весьма кстати. В голове моей зрел грандиозный план, который, как я думал тогда, призван был не просто вытащить меня за волосы из кислотной трясины навалившейся беды, но и вернуть все то, что было так внезапно отнято нерадостным стечением обстоятельств. Я должен был приступить к его осуществлению через три месяца, как раз после подтверждения своего статуса вдовца.

А пока я лежал на нашей семейной кровати с закрытыми глазами, под тяжестью свалившегося на меня горя, раздавленного и уставшего. Мир перестал существовать, но меня это весьма мало заботило. Под действием принимаемых препаратов я продолжал видеть вещи, теперь особо яркими контурами представшие передо мной, но не несущие больше никакого смысла. Не важны стали происходящие события, навещавшие меня знакомые и планомерно

кипящая в Центре Подготовки Полетов (ЦПП) работа. Я словно отделился от всего и гармонично застыл в пространстве, очень близком ко входу во временной портал. Желал ли я что-то изменить, чтобы предотвратить ее гибель? Не знаю...

Особенно часто меня навещал брат Крон. Он по специальности медик. Я смотрю на него и не могу понять, почему и он ничего не знает о прошлом? Не имеет собственного мнения на счет чьего-то выбора сделать нас ограниченными по чувствам и ощущениям. Немного поразмыслив, прихожу к выводу, что и я мог бы остаться таким же клонированным членом общества, если бы не выпавшая мне честь – быть истинной парой для Юсенны Роу, принявшей мою фамилию Шон.

Она открыла для меня целый мир, наполненный давно позабытыми словами и понятиями: нежность, страсть, любовь. Понятиями, не имеющими ничего общего с процессами, а относящимися только к сфере чувств, то есть к душе (самого забытого на этой планете архаизма), так яростно вытравливаемой из сознания общества в целом.

Юся...

Я почти ненавидел себя за свою слабость. Но именно она придавала мне силы в моих многочисленных исследованиях. Уверенно двигаясь по карьерной лестнице, и не только благодаря заботам ее отца, но и за собственное старание и рвение, за пытливость и въедливость в каждом вопросе, а этому меня научила именно моя жена. Как бы я жил без нее? Кем бы стал? Одним из баранов, идущих в одном строю? Она вела меня запретной дорогой, но в итоге – открывала глаза на совершенно другие аспекты нашей жизни. Осторожно обращаясь к забытому прошлому, я учился понимать настоящее и видеть будущее, а значит, был на два шага впереди других ученых...

Но эта странная идея посетила меня, когда я нашел в одном из ящиков нашей спальни аккуратно завернутые в бумажный пакет волосы Юси. Не знаю, откуда, но у нее была эта необычная привычка – складывать волосы в пакетики после каждого похода в парикмахерскую. И когда я впервые их нашел, конечно, был очень удивлен и даже хотел выбросить. Но она тогда поймала мою руку, перевернула открытой ладонью кверху и написала на ней черной кемалевой ручкой «не надо». Я послушался ее, и со временем она рассказала, что читала о странной примете прошлого: нельзя выбрасывать свои остриженные волосы, а прибирать и хранить дома, чтобы никто из недоброжелателей не смог их коснуться. Усмехнувшись, я просто позволил ей эту странность.

Теперь же, когда нашел этот пакет, вдруг подумал, что не все для меня потеряно. И шальная мысль дала мне силы и храбрость для откровенного разговора с Кроном.

Надо понимать, что в таком деле, как политические преступления, родственников и друзей не бывает. А в нашем до мелочей продуманном мире и подавно. Поэтому даже признание в своих тайных помыслах родному брату далось мне очень тяжело.

– Крон, – обратился я к нему однажды, посетив его лабораторию перед самым уходом. – Как ты считаешь, насколько велика вероятность проникновения в Биологический Банк?

Вопрос несколько шокировал брата. Он сначала нервно заходил по комнате, а затем принялся переставлять с места на место колбы. Когда он все же решился ответить, я понял, что обратился по адресу.

– Адам, я согласен.

Более на эту тему мы не общались. Я знал, что он имел доступ в Биологический Банк, где хранился материал абсолютно каждого жителя нашего мира. И он не просто не побоялся ответить мне на провокационный вопрос, заданный в стенах медицинской лаборатории, но и ответил согласием на вопрос, которого я не задавал даже в мыслях самому себе.

Мы молча покинули здание. Он подбросил меня до дома и, проводив до двери, при рукопожатии вложил мне в руку очень тонкую прозрачную пластинку. Я догадался, что это неофициальное мобильное устройство. Зная, куда смотрят камеры моего подъезда, задержавшись на

секунду в узкой слепой зоне между входной дверью, прямо на пороге, я прижал руку ко лбу, будто мне стало нехорошо, а сам взглядом скользнул по пластинке.

«21030201020 304050»

Догадаться было несложно, о чем идет речь. Мы так часто переписывались с Кроном в детстве. Первый номер – дата, затем – время, а через пробел – координаты места назначения. Я запомнил эти цифры моментально. Единственной проблемой было – прожить целую неделю, словно целую вечность. Но с надеждой жить мне стало гораздо спокойнее.

И в самом деле, неделя пролетела незаметно. Я приехал в назначенное время на указанное место и присел на лавочку. Мимо пробежала девушка в наушниках, незаметно выронив из кармана маленькую пластиковую капсулу, похожую на таблетку. Я медленно поднялся и сделал шаг по направлению к выпавшему предмету. Согнулся, якобы чтобы поправить костюм и обувь внизу. Присел и как можно незаметнее сжал в руке желанный предмет. Сердце бешено кололо в груди. Кто эта девушка, что согласилась так легко пойти на преступление во время утренней пробежки? Может, эта подружка Крона? Или сотрудница Биологического Банка?

Я поднялся и медленно пошел по алее по направлению к Центру Подготовки Полетов. О находящейся в подвале старой лаборатории давно все забыли. И лишь на это я надеялся больше всего. Там не было камер. О ней мне когда-то рассказала Юся, в надежде однажды оказаться там наедине... Не успела...

Конечно, оборудование было старым, если не сказать древним. Но на это я и делал ставку. Как о нем, так и обо мне все давно забыли. Никому не было никакого дела до рухляди. А замок настолько заедал, что обычный порядочный гражданин нашей страны вряд ли мог с ним справиться.

Как же я был благодарен Крону! В моей душе снова поселилась радость, выразить которую пока не представлялось никакой возможности. Ты будешь жить, моя Юся...

Глава 3

Он смотрел на меня внимательно сквозь стекло, а я смотрела на *него*. *Его* образ будто был выгравирован в моем сердце, моем сознании, к каждой клеточке моего тела. В *его* глазах я видела боль и вместе с тем надежду.

Тогда я не знала, кто *он* такой и слабо представляла, кто я сама. Понимание пришло гораздо позже. В тот момент я впервые открыла глаза. Образ то расплывался, то собирался снова в единую картинку. Я висела внутри колбы, в жизнеобразующей жидкости, как я потом узнала. А *он* стоял по ту сторону, напротив, и слегка шевелил губами. Наверное, *он* что-то пытался мне сказать, но я не слышала, да и если бы слышала, не смогла бы понять. Но мне сильно хотелось преодолеть эту преграду из стекла и воды, чтобы стать к *нему* ближе. Это было записано в моем подсознании, где-то глубоко, вызывая довольно приятные волнения внутри.

Я не знаю, сколько прошло времени, прежде чем *он* пришел в себя и попятился назад, совершенно не замечая, как натывается на стулья, как роняет предметы вокруг. На ощупь, не отрывая удивленного взгляда, *он* взял какой-то предмет со стола и поднес его к лицу. Снова подошел ко мне, покручивая какие-то механизмы. Я узнаю потом, что эта штука называется видео. Она в точности копировала и записывала мое поведение. Но в тот момент мне захотелось отвернуться, и я, как могла, оттолкнулась от стекла своей капсулы. Свет замерцал, заставляя меня жмуриться. Картинка стала снова расплываться. Я двигалась, но *этот* за стеклом двигался тоже, передвигая нижними конечностями. Осмыслив *его* поведение, догадалась, что смогу делать также. Сначала движения получались странными, ноги не подчинялись, но постепенно я начала овладевать управлением своего тела. Но мне все время мешал мой хвост, который шел от моего пупка и устремлялся в потолок капсулы. У того, кто смотрел на меня, такого хвоста не было, либо же я никак не могла разглядеть его за окутывающими *его* тело тряпками

или одеждой, как я узнала потом. Убежать от *него* не удавалось. *Он*, видимо, знал что-то важное, чего не знала я. И я неожиданно для себя решила пойти к *нему*. Я размахивала руками и била по стеклу, насколько могла сильно. *Он* еще некоторое время снимал, а потом положил свое видео обратно на стол.

Приблизился к моей капсуле вплотную и поставил руки на стекло. *Он* улыбался, а в глазах *его* стояли слезы. Чему *он* радовался и отчего плакал? Я перестала стучать и поставила свои руки на *его*. Морщинки под *его* глазами смешно растянулись. Мне хотелось дотронуться до них руками точно так же, как я трогала свою пуповину, изредка называя ее хвостом. Нас разделяло только стекло, но я чувствовала *его* тепло и что-то еще такое, от чего приятно покалывает в животе.

В этот момент я увидела другого, вошедшего в комнату. *Он* увидел меня и поспешно закрыл дверь, прижавшись к ней спиной. *Он* что-то, видимо, сказал *тому*, которого я первого увидела, но *он* не отреагировал. До того другого, стоящего у двери, мне дотрагиваться не хотелось. Признаться, и видеть его не хотелось. Ровно настолько, что я даже отстранилась.

Почувствовав страшную усталость и опустив руки, безвольно повисла в жидкости. Закрыв глаза, я моментально заснула, чувствуя, как через хвостик впереди в мой живот постукает что-то теплое и успокаивающее. Это была еда.

Когда я говорила о том, что хочу оказаться по ту сторону стекла, то никак не ожидала, что этот момент наступит так скоро. Началось с того, что оба мужчины чем-то сосредоточенно занимались, изредка переговариваясь друг с другом. Она нажимали какие-то кнопки, и я ощущала, как меняется вокруг меня что-то. Сегодня они выглядели иначе, и я с большим трудом их узнала, поначалу испугавшись. Тела их, и головы тоже, были обтянуты серебристыми костюмами, глаза скрывали прозрачные очки. Эти странные изменения, казалось, не сулили ничего хорошего.

Через некоторое время я поняла, что жидкость, в которой я до сих пор висела, уходит. Постепенно мои ступни коснулись пола капсулы. Я старалась изо всех сил находиться в жидкости и боялась остаться без нее. Но это было неизбежно. Вскоре я сидела внизу, безвольно прижавшись лицом к стеклу. Из моего рта вытекала вода, а грудь неприятно сжимало. Не могу точно ответить, что конкретно произошло, но мне вдруг сделалось не просто страшно, но еще и нехорошо. Я закашлялась. И это были мои первые глотки воздуха. Отныне я дышала. Как же это было невыносимо больно. Но без этого я больше не могла. В мыслях наступил хаос. Я перестала понимать, что происходит. Мне казалось, что эти двое меня убивают...

Он легко открыл капсулу, после чего я свалилась *ему* прямо на руки. Звуки, которые я слышала сквозь жидкость, теперь стали нестерпимо громкими. Эти двое разговаривали между собой, что-то взволнованно обсуждая. Взмахнув каким-то предметом, тот второй отрезал мой хвостик! И из моей груди вырвался вопль, которого я испугалась еще больше, чем того самого движения.

– Юся... Юсечка... Не бойся... Все будет хорошо...

Почему-то я помнила эти его первые слова всегда, даже не понимая их.

Он перенес меня и положил на что-то мягкое и приятное, оборачивая белой тканью. Я вся дрожала не то от страха, не то от непривычного холода. На моей коже то там, то тут возникали какие-то ощущения, которых я прежде не знала. Зачем они вытащили меня из капсулы? Я закрыла глаза и незаметно уснула.

А когда открыла, снова увидела *его*. *Он* смотрел на меня сквозь прозрачные очки, плотно прилегающие к костюму, полностью обтягивающему все его тело, и трогал мое лицо. Заметив, что я проснулась, ткнул себя в грудь.

– Адам. Адам. Адам, – повторял *он*, из чего я поняла, что это странное слово обозначает *его* самого. – А ты... Юся. Юся. Юся, – *он* взял мою руку и ткнул ею мне в грудь. И я снова

правильно поняла. *Он* обозначал этим словом меня. Я наблюдала, как *он* складывает губы для произношения звуков и старалась так сделать, но у меня плохо получалось. Однако Адам улыбался и приятно поглаживал меня по щеке, от чего я закрывала глаза, вслушиваясь в приятные волны, гуляющие по моему телу. Хотелось снова уснуть, спокойно, утопая в *его* нежных прикосновениях. Только чтобы *он* был рядом и никуда не уходил. Несомненно, я так и сделала бы, но нестерпимая боль, идущая от области, где раньше располагался мой любимый хвост, не давала мне этого сделать.

– Крон, надо перевязать пуповину, – не отрывая взгляда от моего лица и не переставая гладить его, что-то непонятное мне тихо сказал Адам.

По интонации произношения я догадалась, что того другого зовут Крон. Довольно быстро, как я сама размышляла потом, проанализировала все услышанное. Юся... Адам... Крон... Все имеет свое название. И я снова попыталась сложить губы, чтобы выговорить *его* имя. Получалось очень плохо, но лицо Адама в этот момент сильно изменилось, будто просияло, и он вдруг схватил меня за руку, сжав ее почти до боли.

– Давай, – прошептал он, – давай... У тебя получится!

В этот момент тот другой, называемый Кроном протянул к моему животу руки, обтянутые защитной пленкой. Испуг, испытанный мной в тот момент, мог бы сравниться разве что с недавним осознанием утекания жизнеобразующей жидкости. Впрочем, страхи в первые дни после выхода из капсулы преследовали меня на каждом шагу. И я не знаю, как справилась бы с ними, не будь со мной рядом Адама.

Я заерзала, пытаюсь сдвинуться с места, чтобы предотвратить как-то приближение этих самых чужих рук. Они угрожали мне прикосновениями, которых я не желала. Из моего рта вырвалось предупреждающее шипение, заставившее брови Адама удивленно взметнуться кверху.

– Давай, я сам, – проговорил *он*, обращаясь к Крону, и *его* руки легли мне на живот. Как же тепло стало от этого! Как невыносимо приятно! Мужские пальцы сначала были неподвижными. *Он* рассматривал мою голубоватую кожу и свои руки и, казалось, не мог поверить тому, что происходит. Через некоторое время, придя в себя, *он* слегка надавил пальцами.

– Адам, – окликнул *его* тот другой, – надо быстрее завершить.

Будто очнувшись, *он* дотронулся до моего куцега хвостика и начал завязывать его. Я заерзала и зажмурилась. На короткое время в голове появились мысли, что Адам, возможно, не такой уж безопасный, как мог показаться поначалу. Но я ничего не могла сделать. Рефлексы твердили мне, что нужно бежать, но я не способна была даже поднять руку. Только дергала слегка конечностями. Когда с этим самым завязыванием было покончено, я немного успокоилась. Боль утихала, а новую мне никто не причинял. Видимо, мой мозг, ровно как и тело, начали адаптироваться к изменившимся условиям. Дыхание нормализовалось, и я расслабилась бы, если бы не возникшее беспокойство чуть выше живота. Тоска по хвостику вдруг стала нестерпимой. А все потому, что я поняла – приятного ощущения поступления еды больше не будет. Еще один страх свалился на меня, едва я успела оклематься от первых двух.

Не знаю, почему, но, переводя взгляд с предмета на предмет, я втянула в рот нижнюю губу и начала ее посасывать.

– Первое кормление, – усмехнулся Крон.

Я запомнила все произнесенные тогда слова, но перевела их значительно позже.

– Инъекция, – произнес Адам, и это слово сразу мне не понравилось.

– Может, все-таки молока? Как и всем детям? – предложил Крон.

– Не подойдет. Замена фермента произошла давно. Она взрослая, Крон, а значит, ее желудок не справится.

Их быстрая речь мне не нравилась. Я не просто не могла ее понять. Невозможно было вытащить из нее ни единого обозначения предмета. Говорящие обсуждали что-то, и оно напря-

мую касалось меня, но возможности повлиять на диалог у меня не было. И это раздражало. Даже бесило. До такой степени, что я снова зашипела, решив, что освоенный голосовой прием в достаточной мере сможет выразить мой протест.

- Инъекция, – повторил Адам, уже обращаясь ко мне. – С небольшой долей снотворного.
– Давай ты уж сам, – усмехнулся Крон. – Мне она не дастся.

Адам медленно и, явно нехотя, встал. Подошел к столу и набрал шприцем с тонкой иглой из пузырька розоватую жидкость. Он так забавно брызгал ей фонтанчиком вверх, что в тот момент у меня не возникло никакого ощущения опасности. Приблизившись, он положил шприц на небольшой столик, расположенный рядом с кроватью, на которой я лежала. Он взял мою руку и чуть выше локтя принялся завязывать жгут. От боли я закричала и завопилась.

- Подержи ее, Крон, – его голос вибрировал.

И тот другой ко мне прикоснулся...

Сказать, что я испытала омерзение – ничего не сказать! Он держал меня за плечо и локоть, надежно фиксируя мою руку, чтобы Адам тонкой иглой смог проколоть кожу. Не могу сказать, что больно было от прокола. К тому же, когда игла была введена, Адам осторожно освободил мою руку от жгута, и тогда мне немного полегчало. Я перестала кричать и принялась шипеть. Этих двоих мои звуки не пугали, но перестать сопротивляться совсем я не могла.

- Надеюсь, нас не услышат, – выдохнув, проговорил Крон.
– Не услышат точно, постройка старая, – ответил Адам.

Когда вся розоватая жидкость была введена, меня, наконец, освободили. Странно, но я испытала вдруг чувство, сходное с тем, когда мой хвостик впрыскивал мне остатки еды. Отличие заключалось лишь в том, что внутри, чуть выше живота, по-прежнему тянуло.

Замолчав, я в ожидании смотрела на Адама. Что еще они будут делать со мной? Как мучить? Именно мучить, потому что после того, как я покинула капсулу, все манипуляции с моим телом воспринимались именно так. Кроме *его* прикосновений...

– Мне нужно домой, Адам, – беспокойно проговорил Крон. – Уже вечер, и наблюдение становится более пристальным. И тебе тоже пора отдохнуть. Не забывай, в каком мире мы живем.

– Очень хочется забыть, особенно сегодня... – тихо, с большим трудом и невероятной горечью в голосе выговорил Адам. Я не понимала, но мне передавались абсолютно все его эмоции, как если бы я была им самим. Внутри меня все сжалось, а на глазах выступили слезы. Не боль, но непередаваемое чувство какой-то потери нарастающим комом подкатило к горлу. Я всхлипнула и снова принялась сосать нижнюю губу. Мне казалось, что это меня успокаивает и немного отгораживает от передаваемых Адамом волн. – Не надо плакать, Юсечка, – он ласково погладил меня по щеке, – тшшш... тшшш... тшшш...

Я закрыла глаза и растворилась во внезапно поглотившем меня спокойствии...

Глава 4

Мы растили ее в ускоренном режиме, попеременно дежуря возле капсулы. Клетки делились очень быстро, и отвлекаться было совсем нельзя. Малейший срыв в делении, а это вполне могло произойти, грозил полным срывом проекта. Мне не нужна была Юся с дефектами, как бы странно и жестоко это не звучало. Я хотел заполучить свою жену снова ровно такую же, как и ту, что потерял. Поэтому с самого начала готовился ко всем негативным развитиям, худшее из которых было умертвить образец и приступить к нему вновь, не испытывая разочарования, потому что зародыш или эмбрион, или бессознательная девочка – это еще не Юся. К счастью, убивать клон не пришлось. Семимильными шагами мы двигались вперед. Будущая новая Юся росла «не по дням, а по часам»...

Какое странное выражение... Кажется, я слышал его некогда из уст Юси, когда она в полной темноте, ловко орудуя маленьким фонариком, затащила меня в старинную библиотеку и, схватив первый попавшийся пыльный том, принялась читать стихи – забытый нами вид творчества далеких предков. Да, точно! Именно там... Пушкин... Автор Пушкин... Не может быть, чтобы тогда этот самый Пушкин писал о выращивании клонов. Хотя вполне возможно, что фантазия его послужила катализатором изобретения. Бочка – устаревшее название капсулы, океан – как производное жизнеобразующей жидкости... Разумные звенья есть, хотя отношения между людьми так и остались мне не понятны. Но в мыслях обосновалось твердое ощущение того, что Юся была значительно ближе к пониманию. Или ей просто нравилось все запретное и архаичное?..

Время для меня летело, словно скоростной лайнер. Мы с Кроном словно путешествовали и вот-вот готовились прибыть на очень неординарную планету. Сквозь непроходимый метеоритный дождь, совершенно не обращая внимания на возникающие дополнительные препятствия в виде перебоев с электричеством, так как в старых, примыкающих к ультра-новым помещениям, зданиях все еще применялась разветвленная сеть проводов, и переделывать ее никто не собирался, мы неумолимо приближались к заветной цели...

Жизненную рутину мне приходилось подделывать. В своей полупрозрачной комнате, с помощью изготовленной самолично и, конечно же, тайно, установке по воспроизведению моего образа, я создал месячный запас имитации моих передвижений. Это означало, что Совет видел, как я провожу вечернее и ночное время у себя в квартире, в то время, как на самом деле настоящий я трудился в лаборатории над созданием новой Юси. Днем я работал в Центре Подготовки Полетов, весьма успешно, надо сказать, но стараясь не привлекать к себе особого внимания. Я рассчитывал заняться карьерой сразу после того, как полностью верну себе жену. Тщательно собирал все разработки и предложения, без какого-либо сожаления откладывая в сторону вполне сформировавшиеся прорывные в плане технологий проекты. Если бы я дал им ход, презентовал, то сразу попал бы под пристальное внимание Службы Безопасности. И вполне невинные, но регулярные вызовы программистов и всевозможных ремонтников по устранению неполадок системы наблюдения в моей квартире, немедленно вызвали бы массу вопросов. Достаточно долгое время я не мог придумать и вложить в программу процесс моей холостяцкой разрядки. Приходилось делать это на скорую руку самому. Выход спермы и состав четко идентифицировался. Как наиболее безопасно для себя самого и главное точно визуализировать это, я не знал. И, по большому счету, не имел времени для углубленных разработок. Потому я возвращался в квартиру по-настоящему и, не включая программу воспроизведения меня самого, ложился на кровать и болезненно воскрешал в сознании воспоминания прежней Юси. Разрядка наступала достаточно быстро. С чувством выполненного долга перед Государством и Советом по вопросам Семьи, я переключал камеры на мой спящий образ, а сам незаметно уходил из квартиры. Да, благодаря гибкости и изворотливости моей мысли, невозможное становилось возможным. Я ежедневно совершал прыжок, выше моей головы, прорыв в науке, обмане и восприятию. И все это являлось лишь обычным шагом на пути к достижению главной цели – обретению Юси.

По истечению года меня вызвали в Департамент Полетов. Уверенно проследовав по длинному коридору, я ничуть не сомневался, что разговор пойдет только о моей работе. Пришлось сделать вид, что я совершенно не уверен в своих выводах относительно полета в другое измерение. Я не представил им полного открытия, но выиграл время. Мне дали два года на обкатку проекта. Этого было вполне достаточно, как я считал, для полного восстановления моей семейной жизни.

Опьяненный успехом и выполнив все необходимые процедуры для того, чтобы уложить визуализацию самого себя спать, под покровом ночи, я снова очутился в лаборатории. Плотно закрыв за собой дверь и, некоторое время вслушиваясь в звуки снаружи, облегченно вздохнул

и щелкнул старым выключателем. Обернулся и, сделав несколько шагов по направлению к капсуле, чтобы мысленно поздороваться со своей девочкой, обомлел...

Если раньше она почти безжизненно висела в жидкости, изредка дергаясь от раздражающих факторов (бьющего в глаза света, например), словно растение, не реагируя ни на какие наши другие действия, не раздражающие ее рецепторы напрямую. Как сломанная кукла. Как заформалиненное мертвое тело. Зрелище не из приятных. Теперь она смотрела на меня! СМОТРЕЛА! НА МЕНЯ! Осознанно! Внимательно! И это могло означать только одно – появление ее СОЗНАНИЯ...

Разница между клонами и людьми заключается в формировании сознания. У обычных детей это происходит еще в утробе, почти незаметно и до сих пор не выявлено до конца, постепенно или в один момент. У клонов, как выяснилось, это случается как бы в один момент. Она просто проснулась другой. Настоящей. И я смотрел на нее, не в силах понять чудо природы, только что явившееся мне вместе с ее немного затуманенным взглядом.

Силы будто покинули меня, а через мгновение я почувствовал себя всемогущим. Схватив со стола камеру, принялся снимать ее первые в жизни разумные движения. Это было невероятно! Ее мозг постепенно брал под контроль движения, анализировал и накапливал полученную информацию.

Теперь она была похожа на Юсю. Мою Юсю...

Нестерпимо захотелось распахнуть стекло и заключить ее в свои объятия, пригладить мокрые волосы, жадно, но медленно пройтись по бархатистой коже спины, спуститься до красивых ягодиц и с силой сжать их, раскрывая, заставляя обхватить меня за торс ногами, ощущать, как наливаются возбуждением ее округлые груди, как срывается с ее губ отчаянно сдерживаемый стон...

Я прикоснулся ладонью к стеклу и замер. Она повторила мой жест. Ее ладонь легла на стекло с другой стороны, словно прикасаясь к моей. Я мог бы поклясться, что почувствовал ее руку на своей. Захотелось сжать ее, но прозрачный корпус капсулы не давал нам сблизиться так быстро, как того хотелось. И я даже не заметил, как рядом оказался Крон. Он что-то твердил мне, навязчиво, упрямо, но я отказывался слышать. Будто провалился в бездну ее сужающихся и расширяющихся зрачков, утонул в необыкновенной голубизне радужной оболочки, окончательно пропал от призывно приоткрытых, слегка пухлых губ. Это было похоже на любовь с первого взгляда, про которую я, как и про весь загадочный старый мир, узнал от своей жены. Теперь я действительно видел ее впервые, и каждая клеточка моего тела радовалась этому воскрешению моей пары.

В следующий момент, после затаенного, казалось, на целую вечность дыхания, я вдруг принялся жадно хватать воздух. Словно после клинической смерти, вдруг снова начинал жить. Благодаря ей, моей новой Юсечке.

Вся моя жизнь с того самого памятного момента изменилась. Вратъ за пределами лаборатории стало веселее, дышать легче, а в мыслях постоянно звучала запрещенная теперь, но считавшаяся классикой раньше, музыка, поднимающая в моей душе необыкновенный вихрь возбуждения. Теперь я твердо стоял на ногах и уверенно смотрел вперед. И будущее представлялось мне светлым и радостным. Ждал и не мог дождаться запланированного нами дня выхода Юси из капсулы. Ее рождения и обретения нами друг друга...

Момент ее рождения предвосхитил все мои ожидания. Таким счастливым я не чувствовал себя еще никогда в жизни. Мне казалось, что я присутствую при рождении собственного ребенка. Некие отцовские чувства проснулись во мне, когда я взял ее на руки и осторожно положил на кровать. Чувства, которые мне, к сожалению, не дано было испытать естественным образом. И пока зародыш превращался в ребенка, пока моя девочка быстро выросла, я считал ее своей дочерью...

Но потом... Стоило ее вполне сформировавшемуся и достигнутому половой зрелости телу оказаться в моих руках... Я понял, что во мне просыпается невероятная страсть, познанная мною и впитанная каждой молекулой моего тела так, что забыть такое просто невозможно, похороненная вместе с ушедшей Юсей и воскресшая в тот момент вместе с ней же вновь обретенной.

Она лежала, совершенно обнаженная, перед нами. И этот факт невероятно бесил. Ее мог видеть не только я, но и Крон! Я не мог не заметить, что он с не меньшим интересом разглядывал ее прелести. Сейчас я готово предполагать, что он руководствовался совершенно нормальным медицинским интересом. Но тогда я зло посмотрел на него, больше не желая делиться с ним заботой о ней.

Меня пожирала ревность. Давно забытая в нашем мире, и, скорее всего, на тот момент неведомая самому Крону. Ведь его жизнь протекала довольно-таки размеренно, в соответствии с общими канонами становления семьи. Эмили, его пара, ничем не отличалась от остальных сознательных представительниц нашего прекрасного пола. Любила его, как надо. Давала наверняка тоже, как надо. И, согласно Плану Воспроизведения, должна была уже в следующем году забеременеть первенцем. Если бы не мой разрушающий все план. Крон стал побаиваться собственной жены. Ведь, попробуй только он придти домой не вовремя, и она могла сначала заподозрить неладное, а потом вполне сознательно, не чувствуя устаревших угрызений совести по поводу предательства, сдать его Службе Безопасности с радостью и чувством выполненного долга по спасению «заблудившегося» мужа. Только теперь я понимаю, какой же все это бред...

Стиснув зубы и выдержав бесконечно долгую для меня паузу, пока Крон осматривал тело новой Юси на предмет возможного изменения кожного покрова, я изо всех сил постарался сосредоточиться на клоне. Не сводя с меня взгляда, она предпринимала нелепые попытки повторить за мной мое имя и свое тоже. Это было забавно, но вместе с тем и грустно. Потому что я вдруг впервые осознал, что ОНА – НЕ ЮСЯ...

Глава 5

Заприметив в Центре работника сантехнической службы, непринужденным движением увернувшись от камер, легким взмахом руки сфотографировал его запонкой рубашки. Подумал, что я вполне мог бы работать в Службе Безопасности, хотя недооценивать этих неприметных ребят не стоило, потому что никто из нас не знал всех их возможностей, и потому что на кон в данный момент поставлена была жизнь моей новой Юси...

Обычное дело превратилось в сложный квест. Мне нужно было сделать так чтобы сантехническая служба очень заметно, буквально прилюдно, внесла в лабораторию ванну для купания Юси. Скопировать электронный наряд на распределение такого вида работ, встраивание этого самого наряда в рабочий день службы труда не составило. А вот над причиной возникновения такого наряда и над заказчиком пришлось потрудиться. Я намеревался провести этот платеж через одного несуществовавшего сотрудника, образ которого я в шутку разработал однажды, когда захотел разыграть Юсю. Показал ей смонтированное видео с нашего отдыха на побережье, во время которого по факту я целую ночь отсутствовал, а она равнодушно спала. На записи четко было видно, как к ней в спальню входит посторонний мужчина, раздевается и ложится рядом с ней спать. Онемев на минуту, пока мысли наталкивались одна на другую, постепенно выстраиваясь все же в более или менее логическую цепочку, она взорвалась, наконец, от возмущения:

– Что это такое? – прошипела она. – Откуда это видео? Какого черта этот мужик делает в моей спальне?.. Адам... Адам... Я спала... Клянусь... Никого не было! Я его не знаю!.. Что за хрень ты мне принес и показываешь! Это чистой воды подстава, разве ты не понимаешь!.. Ох...

Весь ее монолог тогда натолкнулся на мое серьезное и недоверчивое выражение лица. Как я только не рассмеялся, я не знаю. И все это я затевал ради грандиозной ссоры, в результате которой получал не менее грандиозное примирение. Вряд ли меня поймет кто-то, чей мир наполнен спокойными размеренными буднями. Примерный гражданин нашего мира никогда не сталкивался с изменой в ее чистом виде. И будь на месте Юси другая, она и вовсе не нашлась бы что сказать. Но моя Юся жила в прошлом, в том самом, где измена только подстегивала истинные чувства, проверяла пары на прочность, сначала рождая иллюзии, а потом также победоносно превращая их в прах. Она втянула меня в это странное архи-пространство, чтобы возродить в моей душе чувства и эмоции, давно потерянные многими поколениями, живущими до нас.

Какая же бурная была ссора! Чудо просто! Я настолько вошел в роль, придуманную мной самим, что неистово кричал на нее, обвиняя в недостойном поведении, в болезни разврата, поразившей ее в одном из подземных хранилищ с древними книгами. Она бросалась на меня, стараясь расцарапать лицо. Сколько ярости! Сколько головокружительного возмущения! Сколько истинных, неподдельных эпохой чувств!

Я был возбужден настолько, что, одним яростным движением, словно открывая в ее душе невидимые двери, зацепившись за ее ворот майки, рванул руками в разные стороны. Со скрипящим треском ее одежда разорвалась на две половины, и передо мной предстала обнаженная грудь Юси. Нервно вздрогнув от неожиданности, она залепила мне хлесткую пощечину. Я легко толкнул ее к стене, прижал. Дыхание сбилось настолько, что, казалось, обжигало ее щеки своей страстью. Она упиралась ладонями мне в грудь, вся напряженная, словно вот-вот готовая перегореть лампа, та самая, из древнего мира.

– Пусти! – прошипела мне так же возбужденно, задыхаясь. – Ты меня подозреваешь... В...

Мои губы накрыли ее, яростно затыкая. Хватит слов! Я прижал ее всем своим телом, как бы намереваясь подчинить, подмять под себя, наказать за выдуманную неосторожность или намеренность. Она сопротивлялась, но на поцелуи отвечала, открыто и пламенно, словно стараясь доказать мне, что между придуманным мною виртуальным образом и ею ничего не было. И в тот момент я готов был снова повторить свою ложь, лишь бы она вела себя так постоянно...

После жаркого секса я не удержался и рассказал ей о своей шалости. Она взорвалась настолько, что повторение ситуации случилось немедленно. И только потом Юся в полноте оценила мой злодейский план, добавив с усмешкой, что больше мне никогда не поверит. Я бы тоже хотел не поверить...

Итак, воспользовавшись виртуально созданным образом, я, затаив дыхание, ждал, когда в лабораторию постучат. Спящую новую Юсю накрыл простыней, чтобы у вошедших не возникло никаких подозрений. Крон, узнав о моей затее, долго пытался переубедить.

– Адам, ты ставишь под удар нас всех! – возмущенно проговорил он, уже собираясь уходить. – Ты хоть понимаешь, чем грозит раскрытие? Где окажешься ты? Куда заберут Юсю? Ты о моей семье подумал? О чем ты вообще думал?.. Хотя о чем это я? Твоя одержимость не знает границ!

– Крон, успокойся, – стараясь не выходить из себя и не поддерживать его волну, медленно выговорил я. – Я подделал наряд. Он заказан отцом Юси. И не вызовет подозрений. Несколько приказов о восстановлении лаборатории дублируются и закреплены подписями разных, стоящих у власти лиц. Это те, на кого «думать не положено». Мы лишь немного обновим помещение, подкупив для Юси все необходимое. Ведь не думаешь же ты, что она сможет обходиться без ванной.

– Нет, – с глубоким вздохом, качая головой, смирившимся тоном ответил Крон, – я так не думаю. Конечно же, я так не думаю... Ты прав. Ей нужно создать более или менее комфортные

условия пребывания. Просто я не за себя боюсь, Адам. При обнаружении наших испытаний могут пострадать многие и совсем неповинные люди.

– Я знаю, – твердо ответил я, всем своим видом показывая свою готовность взять полную ответственность за ситуацию. На самом же деле мне было абсолютно все равно, наплевать, проще говоря, на всех, кроме разве что НЕЕ...

Ванну принесли. Выждав несколько дней, я повторил оплату, постепенно обустроивая наше первоначальное «гнездышко».

Я чувствовал себя очень усталым, не спал двое суток, то наблюдая за Юсей, то обустроивая лабораторию, то с сожалением уходя на работу, оставляя ее одну, лежащую на большой двуспальной кровати. Да, я не мог не думать о том, что скоро смогу сделать ее своей, как прежде.

Не зная, где теперь следует приклонить голову, совершенно изможденный, я, предварительно проверив квартиру и включив видео-образ меня самого, благополучно ложась спать, под покровом ночи, пересаживаясь с такси на такси, закупив на другом конце города множество самых разных продуктов, вернулся в лабораторию. Вход определил меня как Сталкера, имеющего исключительные права вип. Я не числился в базе, был исключен из списка «наблюдаемых» и мог совершенно свободно передвигаться. Но осторожность все-таки превыше всего. Заметать следы я приучил себя с самого начала проекта.

Щелкнув замком, устало прислонился к двери и прислушался. За дверью было тихо. А впереди я слышал что-то типа скуления. Бросил пакет у порога и быстрым шагом преодолел расстояние, разделяющее нашу лабораторную прихожую и комнату Юси.

Она сидела на кровати и плакала. Удивило меня все: и то, что она сидела, и то, что плакала... Как ее мышцы спины так быстро смогли окрепнуть, чтобы удерживать позвоночник? Может, плавание в жизнеобразующей жидкости укрепило ее достаточно, чтобы она смогла теперь сесть?..

Ее светлые длинные волосы упали на лицо, скрытое ладонями. Поразительный жест. Откуда-то она сразу могла испытывать печаль или тоску, или...

– Юся, – позвал тихо я, и она резко и немного неуклюже убрала руки. – Что случилось?

Она испуганно посмотрела на меня, а затем опустила глаза. Темные ресницы быстро затрепетали. Я понял, что за мое отсутствие произошло что-то чрезвычайно важное, что-то заставившее ее испугаться и переживать глубоко. Ее боль передавалась мне, и я судорожно искал ее причину.

Опорожнение ее выводящей системы стало тому причиной. Хорошо, что я предусмотрительно застелил кровать полиэтиленом.

– Ерунда, – я погладил ее по волосам, стараясь, чтобы мой голос звучал успокаивающе и мягко. – Мы сейчас все поправим... Это ничего...

Дрожащими руками я стал расстегивать замок на ее коротеньком платье. Она спокойно наблюдала за мной. Ее взгляд выражал только заинтересованность. Никакого стеснения со стороны Юси не было и, когда я, приблизившись необыкновенно близко, освободил ее хрупкие худенькие плечи, несуразно комкая испачканную ткань. Быстрым шагом я отнес ее платьице в стиральную машинку, попутно, открыв кран на полную, включил теплую воду в ванну, щелкнув дозатором с лавандовой пеной. Бережно взял мою Юсю на руки, с замиранием сердца и благоговейным трепетом ощущая, как ее рука скользнула мне по шее. Я опустил Юсю в наполненную ванну с пеной, ощущая, как ее тело медленно расслабляется.

– Вот так, моя девочка. Вот так, – выпуская ее из рук, я опустился рядом с ванной на пол. Она смотрела на меня теперь уже спокойно. Зрачки ее синих глаз сужались и расширялись. А уголки губ медленно поползли вверх. Она будто улыбалась. Исчез испуг и бывшее отчаяние. Дотрагиваясь осторожно своей рукой до моей, замерла поначалу, а потом стала ее осторожно

ощупывать. Сотни мелких иголочек пронзили мое тело. На что походил этот ее жест? На благодарность? Я рассматривал ее, желая найти былые черты и эмоции своей жены. Безуспешно.

Намыливая пушистую губку, осторожным движением, чтобы не напугать, коснулся ее кожи, скользнул улыбающейся кривой от плеча к плечу, круговыми движениями впервые омывая ее тело. Мне так многому предстояло ее научить. И, наверное, научиться самому. Засмотревшись и задумавшись, я поймал себя на мысли, что аккуратно пытаюсь разогнать пену, скрывающую ее округлые и упругие груди. Мне ничего не стоило начать ласкать ее прямо сейчас. Возможно, она восприняла бы, как норму. Ненормальным это было бы для меня самого. Я сдерживался, криво улыбался, сознавая, что эротическая составляющая момента привела меня в состояние, граничащее со срывом. В самом деле, в последнее время совершенно забыл о процедуре разрядки собственного организма. Теперь он мстил мне ноющей болью в яичках. Никакой разрядки! Я приказал себе терпеть до того самого момента, когда, наконец, смогу завладеть своей Юсей. Шумно выдохнув, скользнул губкой вниз по ее животу. Ниже... Ниже... Она медленно развела ноги и издала звук, похожий на мурлыканье кошки. Ее руки держались за края ванны, груди едва виднелись из-за пушистой пены, а взгляд синих глаз потемнел. Круговыми движениями я принялся мыть ее промежность. Она зашипела, но ноги оставила разведенными. Казалось, разъяренной кошкой она сейчас набросится на меня и расцарапает лицо.

– Тише, – успокаивающе проговорил. – Я просто тебя помою.

Не в силах сдержаться, мои пальцы отпустили губку и скользнули осторожно по нежным складочкам. Нашупав между половых губ выпуклый бугорок, принялся его ласкать. Она позволяла. Тяжело дышала, слегка приоткрыв ротик, не отрываясь, смотрела на меня. Как же в тот момент она была хороша! Возбужденная. Новая. Чистая. Но сгорающая ярким пламенем необузданной, первобытной страсти. Медленно убрал руку, с явным нежеланием отыскав в пушистой пене губку.

– Обещаю, мы обязательно к этому вернемся, чуть позже, – хрипло произнес я, переходя к мытью ее спины. Нервно оглядываясь, она всеми силами старалась развернуться, чтобы иметь возможность снова смотреть мне в лицо. Я нежно помассировал ее плечи, и она успокоилась, позволяя закончить всю процедуру омовения.

Нажав на клапан, закрывающий слив, я с удовольствием проследил за тем, как быстро уходит вода, обнажая хрупкое тело Юси. Она поежилась и недовольно зафырчала. Усмехнувшись, я переключил воду на душ и открыл кран. Испугавшись поначалу, она быстро оценила прелесть скупывания. Протянула руки, крепко уцепившись за душевую сетку.

– Хочешь сама? – спросил я. – Ну, хорошо... Ай!

Юся повернула сетку в мою сторону, и окатила меня с ног до головы теплыми струйками. Быстро выхватив из маленьких рук ее первое в жизни оружие, я перенаправил струю ей на грудь.

– Больше так не делай, – поучительно произнес я. – По крайней мере, не в этих стенах. – Улыбки сдержать не смог, усмехнулся. И мне показалось, что она попыталась повторить мою усмешку. Выглядело это нелепо и странно, больше походило на ехидство, но вызвало в моей душе теплый отклик, потому что напомнило прежнюю Юсю в моменты, когда она передразнивала меня. Как же я безмерно скучал по ней...

Я провел рукой по ее коленям, затем перевел руки на плечи, опустился на округлые груди и замер, легко захватив двумя пальцами ее соски, внимательно следил за ее реакцией. Она накрыла своими руками мои и сжала сильнее, затем откинула голову назад и выгнулась дугой, подставляя себя под мои сдержанные ласки. Что она со мной делала...

Осторожно спуская руки на ее талию, постарался поднять ее на ноги, попутно прижимая к себе. Неуклюже встав, она довольно крепко ухватила руками за мою шею. Стараясь не сойти с ума окончательно, думал о чем-то приземленном, типа последующего одевания, кормления и тому подобном, но ее необыкновенный запах настолько возбуждал, что я повел

бедрами, поудобнее устраивая между ее ног мой больно трущийся о ткань боксеров и давно рвущийся на свободу член. Она пахла чистотой. Она пахла Юсей в день нашей первой встречи, в момент спаривания, когда после разрыва плевы, первые девичьи соки вырвались, наконец, наружу, смешавшись с кисловатым оттенком выделившейся крови, проступившей сквозь боль желая. Родившееся в тот день отчаянное пламя и погубило мою милую Юсю...

Перехватив ее за бедра, уткнувшись лицом в плоский провалившийся живот, я вытащил Юсю из ванной. Мокрые капельки стекали с ее тела, перебегая на мое. Медленно переставляя ноги, я нес мое сокровище на кровать, чтобы, сдерживая первобытные порывы, собрать ее и приготовить к первому кормлению.

Усадив Юсю в кожаное кресло, я поспешил убрать с кровати оставшееся грязное белье. Застелил новое. Из старого шкафа, оставшегося от мебели застывшей в прошлом лаборатории, вытащил хлопковую сорочку. Застыв в нерешительности на несколько минут, с удовольствием разглядывая прелести своей новой жены, подумал о том, что она чрезвычайно фотогенична. Если бы нам в этой нашей эпохе возможно было фотографировать, а затем любоваться прелестями своих женщин. Разрешено разглядывать только анатомическое строение, не более. Чтобы ни в коем случае не вызвать лишних чувств и эмоций...

– Придется поднять руки, – пояснил я, заранее ожидая того, что останусь непонятым. – Руки, – я показал ладони, – вверх, – вытянул вверх. – Ты...

Не знаю, каким чудесным образом это случилось, но она подняла руки вверх. Облегченно выдохнул. Смысл команды до нее дошел. Значит, можно начинать обучение. Нежно розовая сорочка скользнула вниз. Я подтянул ее, насколько смог, чтобы скрыть, наконец, желанные прелести. Решил оставить ее без трусиков, чтобы при следующей случившейся «неожиданности» не пришлось избавляться от нее, брезгливо снимая.

Пройдя в прихожую, достал контейнер с детским питанием. Сбалансированное и безопасное. То, что надо на первом этапе. Подсел на стул напротив нее и, вооружившись детской ложкой из мягкого, но достаточно прочного и неинертного материала, как заявлено на упаковке, поднес немного смеси к ее губам.

– Кушать, – односложно произнес я, чисто интуитивно надеясь, что она запомнит слово и впоследствии будет ассоциировать его с принятием пищи. Слегка измазав ее пухлые губы, дождался, когда она осторожно оближет их. Попробовала на вкус. Буря эмоций пронеслась по ее лицу: от удивления до восторга. Она всасывала нижнюю губу, внимательно всматриваясь в мое лицо, но не видя меня. Через несколько секунд она требовательно открыла рот, а через несколько минут мы опустошили рассчитанный на годовалого малыша обед.

Довольно улыбнувшись, она попыталась что-то сказать.

– Спасибо, да? – подсказал я, рассмеявшись.

– Спа... сиб... – неожиданно повторила она.

– Ого! – я схватил ее за руки. – Повтори! Юся, повтори! Спа-си-бо.

– Спа... сиб...

– Невероятно, – прошептал я.

– Спасиб... Спасиб... Спасиб... – твердила она, улыбаясь, а я все не мог поверить в это невероятное везение.

На следующий день, проснувшись по установленному будильнику, я разбудил Юсю. Уложив ее на кровать накануне, я прилег с другой стороны и, рассматривая, как дрожат от первых стадий сна ее ресницы, и сам провалился в долгожданный сон.

Она смотрела на меня испуганно, не понимая, что происходит. А я подхватил ее на руки и понес в туалет. Усадив на унитаз, круговыми движениями стал массировать ее живот. И, о чудо, дождался опорожнения!

– Молодец, девочка, молодец! – радостно похвалил ее я.

– Спа... сиб... – ответила Юся.

Можно ли передать словами все то, что творилось у меня в душе! Такие огромные достижения первых дней кружили мне голову. Я теперь вполне серьезно начал представлять, что через пару месяцев смогу представить ее, как свою новую жену. Какая малость оставалась! Лишь подделать документы и убедить все общество, что это именно я являюсь ее парой. Сущий пустяк по сравнению с пережитым. И я обязательно должен был все устроить!

– Еда, – указываю я на смесь.

Вручив ей контейнер, стал рассматривать, как она с удовольствием, но очень криво попадает в собственный рот. Морщится от того, что смесь размазывается по ее лицу. Ожидаемо. Когда контейнер опустел, мокрым полотенцем вытираю ее лицо и руки. Мне давно пора бежать, чтобы не вызвать подозрений. Я рискую, и, тем не менее, не могу от нее оторваться.

– А вот теперь – спасибо, – подсказываю я ей.

– Спасиб... – вторит она.

Оставив Юсю одну, задремавшую после сытного завтрака, тороплюсь на работу. Надо сосредоточиться по дороге. Я должен был представить отголосок нового проекта, чтобы в очередной раз продлить контракт на разработки. Это просто, нужно всего лишь переключиться с Юси на реальную жизнь... Или взять отпуск? Это вполне могло послужить выходом. Ведь теперь оставлять одну Юсю опасно, как никогда.

Приехав в Центр, я тут же написал заявление, сославшись на плохое самочувствие и сонливость. Последний факт вполне подтверждали видеозаписи с камер в моей квартире. Я сказал, что намерен отдохнуть дома, отлежаться и отоспаться, и очень просил меня не беспокоить, потому что дверь открывать я не собирался. Осталось доработать день.

– Надеюсь, суицид в твои планы не входит, – холодно предупредил по видеосвязи Николас Роу, отец Юси, узнав о моем намерении стать на две недели затворником.

– Ни в коей мере, – усмехнулся я, постаравшись выглядеть как можно непринужденнее.

– Может, отправить запрос о создании семьи повторно? Адам, ты же знаешь, насколько неразумно жить одному, – уже мягче предупредил он.

– Обещаю над этим подумать, – тактично парировал я.

– Я подготовлю документы, – холодно проговорил он.

Лично мне была совершенно непонятна его забота обо мне. Я прекрасно знал, что он считал меня недостойным своей дочери. А о примитивной жалости речь точно не могла идти. Тогда чего ради Николас Роу продолжал меня продвигать по карьерной лестнице и даже заботился, так сказать, о моем физическом здоровье? Этот вопрос еще долго останется без ответа.

В конце дня я, как обычно, поехал к себе домой, чтобы перегрузить свой собственный домашний образ. В голову пришла странная мысль, что я все же не смогу так долго обманывать всех. Пожить на самом деле несколько дней дома? Просто невероятно. Я больше не мог представить и дня без Юси. НО! В ее новом образе я всего лишь отыскивал свою прежнюю жену. И бесполезно было переубеждать себя в том, что я смогу полюбить еще раз.

Глава 6

Он, наконец-то, перестал уходить. Как же я была этому безмерно рада!..

После того, как я испачкалась в собственных нечистотах, после восхитительных ощущений в ванной, подаренных мне Адамом, после познавания вкуса еды и мимолетного успокоения, я вдруг проснулась совершенно одна. Это было поистине жутко.

В хорошо освещенном помещении села на кровати и на некоторое время задумалась. Конечно, тогда я не имела ни малейшего представления о времени и потому не могу и теперь достоверно сказать, сколько я соображала перед тем, как решилась встать на ноги...

Как это вообще смогло придти мне в голову, я не знаю!

Опираясь на руки, спустила ноги на пол, неприятно морщась от прикосновения к прохладному покрытию. Казалось бы, что такого страшного в том, чтобы встать на пол и пойти? Ведь оба мужчины, которых я видела, ходили совершенно свободно. И у меня не возникло даже мысли, что этого не смогу сделать я.

Оттолкнувшись и руками, и ногами, на секунду застыла в прямостоячем положении, после чего с грохотом рухнула на пол! Завизжала от боли. Хорошо, что успела согнуть колени и выставить руки вперед, несколько смягчая падение, иначе сложно даже представить, чем могло обернуться такое мое самостоятельное приключение.

Оглянувшись на кровать, поняла, что возвращаться назад не хочу. Мне нужно было научиться двигаться, и именно теперь я собиралась этим заняться. Подбирая ноги под себя, встала на колени, поначалу упираясь в пол носом. Потом напрягла руки и выпрямилась. После падения высота, на которой я очутилась, стоя на коленях и руках, показалась мне запредельной. Даже стало на некоторое время страшно. Лишь бы не упасть заново. Но, набравшись мужества, я приказала себе сдвинуть ногу вперед. Потом заскользила ладонью правой руки, перенося всю тяжесть тела на левую.

Я не знаю, сколько прошло, когда я решила оглянуться назад. Оказалось, что кровать по-прежнему была близко от меня, словно я и не двигалась вовсе. Шумно выдохнув, приказала себе, во что бы то ни стало, продолжить. Капельки пота выступали на лбу и падали на пол, делая его скользким и неприятным. Вот удивительное дело: в мокрой ванне я испытывала недавно необычайное удовольствие, а теперь, от той же влаги, морщилась, стараясь преодолеть как можно скорее. При всем при этом, на капельки на лбу меня никак не волновали. От них даже будто бы становилось лучше.

Целью запланированного путешествия был тот самый странный стул с дырой, на котором Адам разрешил мне опорожняться. Именно это мне и нужно было сделать в ближайшее время. Теперь я знаю, что такой стул называется унитазом, хотя и до сих пор не могу объяснить себе это странное понятие, состоящее из двух слов, не имеющих, наверное, никакого отношения к происходящему процессу.

Когда я доползла до него все-таки, через всю комнату, переступив небольшой порог, показавшийся мне чрезвычайно высоким барьером, силы почти покидали меня, а нужда сделалась настолько сильной, что я стала ощущать некую резь в животе. Скуля, я взгромоздилась каким-то волшебным образом на унитаз и облегченно выдохнула. Вместе со вздохом услышала, как накопленная во мне жидкость изливается в разрешенный сосуд. Голова закружилась от восторга и испытанного удовольствия. В прошлый раз, перед постыдным обнаружением меня Адамом, такого не было. Наверное, это происходит только, если испражняться на унитаз. Поклялась, теперь все время буду поступать только так.

Спустившись на пол, услышала, как унитаз оmyвается водой. Очень удобно. На трясущихся руках и ногах, стиснув зубы от онемения спины, поползла до холодильника. Именно туда, я заметила, Адам положил несколько контейнеров с моей едой. Очень хотелось кушать, настолько, что я готова была ползти вечно. К счастью, как мне показалось, добралась я довольно-таки быстро, по сравнению с путешествием от кровати до туалета. Уселась, чтобы немного отдышаться.

Но, открыв дверцу, поняла – нужно встать на ноги, так как полка оказалась довольно высоко, и дотянуться из положения сидя не представлялось возможным. Цепляясь за полки, стала подтягиваться на руках. Из последних сил схватив прозрачную емкость, свалилась вместе с ней на пол. Все! Больше двигаться я не собиралась. Единственное, что позволила, перевернуться на живот и рвануть крышку контейнера, как смогла.

Еда была пастообразной и пахла очень вкусно. Что-то внутри меня заурчало, видимо, реагируя на запах и вид. Не желая пачкать руки, я постаралась согнуть крышку и зачерпнуть ей

И вскоре, после ухода Крона и после моего очередного вкусного ужина, мы сидели на кровати с Адамом, держась за руки и, разглядывая друг друга.

– Я побуду с тобой, ладно? – спросил он меня о чем-то, тогда еще мне неведомом. – Мы поговорим и многому научимся за эту неделю. Возможно, даже станем чуть ближе... – последнюю фразу он произнес тише, его голос охрип.

– Адам...

– Ты молодец. Просто умница, – похвалил он меня за то, что я произносила его имя.

– Юссся... – ткнула я себя пальцем в грудь и счастливо улыбнулась, потому что почувствовала, как теплая волна радости прокатилась по его груди.

– И это знаешь? – его бровь скользнула вверх. – И Крона? – осторожно предположил он.

– Крррн...

– Хуже. Но это нормально. Зачем тебе знать других...

Он приблизил свое лицо к моему и коснулся моих губ своими губами. Я испугалась, замерла. Широко открытыми глазами следила, как он осторожно медленно меня трогает. Его пальцы скользнули по моей щеке и шее. И что-то сильно застучало в моей голове, неровными толчками отдаваясь в груди. Я хотела отстраниться и не могла. Я хотела ответить, но не знала, как. Его мягкие и теплые губы подцепали мои, а затем, скользя по ним, отпускали. При этом глаза Адама были закрыты, и мне хотелось сделать то же, но я боялась. Невероятно волнующие и приятные ощущения возникали от его действий в моем теле, настолько, что я постепенно начала скулить.

– Юся... прекрати... не надо так делать... – он шептал мне это, задыхаясь. – Моя девочка... моя маленькая... моя Юся...

Его руки скользили по моему телу, мягко ощупывая. Я поняла, что могу делать то же, и положила свои ладони ему на плечи. Осмелившись совсем, подалась к нему всем телом, приоткрыла губы и закрыла глаза. Его язык тут же скользнул мне внутрь, встретившись с моим. Взрыв! Взрыв! Взрыв! И это снова оказалось лучшим, что я испытывала за последнее время. Больше я не намеревалась его бояться...

Глава 7

Я выбежал из комнаты и заперся в ванной, плотно прижавшись спиной к двери. Сердце бешено колотилось. Воздуха катастрофически не хватало. Только что я чуть ли не сделал Юсю своей парой. Как я смог сдержаться и оторвался, мне и самому было непонятно. Из последних сил, казалось, ноги унесли меня в душ. Яростно сбрасывая с себя одежду, я намеревался встать под холодные струи, но услышал ее протяжный и надрывный стон:

– Адааам...

Я крепко взял в руку член и под ее зов принялся делать то, от чего так долго и неразумно отказывался...

Через пару минут открыл кран с теплой водой. Мысли по-прежнему сбивались и путались. Тяжело вздохнув, я принял эту непосильную миссию. Вернувшись в комнату в одних боксерах, только потом понял, что поступил опрометчиво. Она лежала на животе, ногами к изголовью и смотрела на меня исподлобья. В ее глазах бушевало пламя, передавшееся мне моментально. Юся подтянула колени, высоко выпятив попку, оставаясь стоять на локтях. Из всех сил я заставлял себя не думать о сексуальной составляющей ее позы. Она была без трусиков... Полы сорочки съехали до поясицы, обнажив аппетитные формы. Упругая грудь виднелась через отвисший вырез, качелями спускающийся от бретелек.

– Юся... Прекрати! – приказал я, словно надеясь, что она меня поймет. – Давай спать, родная... слышишь?..

Я приблизился и встал, не в силах отвести глаз от ее попки. Она, словно кошка, перевернулась на спину, широко и призывно раскинув ноги. Я видел только ее лоно, больше ничего... Мир буквально перестал для меня существовать... Ничего, кроме ее набухшей горошины и поблескивающих складочек с...

Я перестал дышать. Струйка крови вытекла из ее маленькой, скрытой маленькими лепестками внутренних губ, дырочке, скользнула на белую простынь. Быстро присев на кровать, я осторожно коснулся рукой «лепестков», собирая алые капельки пальцами. Первая мысль, поразившая мое сознание, почему-то касалась Крона... Но он не мог ее... взять... Может, я случайно не заметил, как скользнул внутрь ее рукой во время ласк... Да о чем я вообще думаю!!! Это же просто менструация! Моя девочка стала взрослой!..

Шумный вздох вырвался из моей груди. Решив не пугать ее и не привлекать ее внимание к случившемуся, грандиозному лично для меня событию, отправился искать необходимое.

Теперь трусики были обязательны. Я сходил за ними, прихватив и оставшиеся от прежней Юси прокладки. Как смог, приклеил средство личной гигиены к трусикам. Надел их на стройные ножки теперешней, уже готовой, чтобы стать моей, пары. Переложил ее аккуратно в нужную сторону головой, укрыл одеялом и прилег рядом. С помощью пульта погасил вновь установленное недавно освещение, оставив лишь тусклую синеватую подсветку по стенам. Она закрыла глаза и тут же засопела. Я обнял ее и тоже постарался уснуть. Наш первый совместный день подошел к концу.

Утром по встроенному в пуговице моего костюма приемнику пришло сообщение, отчего я и проснулся. Щелкнув по обратной стороне пуговицы, спроецировал сообщение на стену.

«Меня вызвали в СБ»

– Мррр... – отозвалась Юся, сладко потягиваясь.

Я вздрогнул и мгновенно убрал проекцию. Неужели где-то прокололись? Все же было под контролем. Может, Эмили, как и предполагалось, заявила? Нет. Этот вариант я совсем не хотел рассматривать, хотя и не отметал вовсе.

Может, та самая девушка из парка рассказала? Та, которая выронила пробирку с биоматериалом? Но сколько же прошло времени, прежде чем это случилось. Тоже, наверное, не могло быть. Сам Крон был слишком осторожен, чтобы себя обнаружить... Наверняка дал сбой мой видео-проект самого себя.

Усадив сонную Юсю в туалете, вернулся на кухню и поспешно налил себе в чашку кофе. Отхлебнул, задумавшись. Нужно было проверить последнюю версию со сбоем программы в моей квартире. Устало шаркая ногами по старинному половому покрытию, шумно выдохнул, открывая холодильник – оставалась последняя порция питания для Юси. Нужно было срочно прогуляться. Поставил на несколько секунд смесь разогреваться в шкаф.

Когда я зашел в туалет, Юся счастливо улыбалась, протягивая ко мне руки. И, стоило мне приблизиться, цепкими пальчиками ловко подтянулась по моей одежде, вмиг оказавшись в моих объятиях. Она стояла на ногах. Сама. И держалась за мою шею. Шумно дыша, пыталась выровнять свое тело, относительно моего. Ее губы касались моей щеки, отчего сладкая, тревожная дрожь прокатывалась по всему моему телу. Я приказал себе держаться, но мои руки не слушались, гладили ее округлости, спускались ниже...

– Юсечка, ты молодец сегодня, – попытался отвлечь ее и себя. Слегка наклонившись, нащупал пачку влажных антибактериальных салфеток, вытащил одну и, сложив квадратиком за ее спиной, присел, устремляя руку между ее ягодиц. Она выгнулась. И пока мои пальцы промокали розовые складочки, то и дело меняя салфетки, мои губы уже жадно припали к ее набухшему соску. Я совершенно потерял в этот момент голову. Мир рухнул, оставив вместо себя лишь вихрь золотистого песка – такая картинка сложилась в моем сознании сквозь

сомкнувшиеся случайно веки. Я жадно посасывал моментально увеличившийся в размерах упругий шарик, яростно желая укусить его. Нет!..

Крепко сжал ее в своих объятьях. И снова – стоп!..

– Мне нужно идти... – хрипло проговорил я, пряча от нее лицо. Она шумно дышала, стараясь как можно плотнее прижаться. – Я скоро вернусь... – с трудом выговаривал, соображал и того хуже. Надел трусики, бегло осмотрев прокладку. Надел трусики, скользнул взглядом на прокладку. Крови было не так много. Подхватив Юсю на руки, донес до кровати. Вернулся за контейнером с разогретой пастой. Открыл и поставил перед ней. Как же мне хотелось остаться! Но было просто жизненно необходимо уйти. В последний раз бегло посмотрел на нее через плечо и быстрым шагом устремился к выходу.

Мне казалось, что она полностью меня понимает, чувствует что ли. Но что нам всем на тот момент было известно о клонах – ничего. Да я и не задумывался особо. Для меня было жизненно важно вернуть свою потерянную жену, в духовном и физическом плане. И если до духовного было далеко, то на восстановление регулярного удовлетворения физиологических потребностей я готов был претендовать в самом скором будущем. И созданное мной существо, которое я привычно называл Юсей, совершенно не было против. Все ее животное поведение об этом говорило. Она откликнулась на мои ласки, инстинктивно подставляя самые эрогенные зоны. Пожалуй, с ней будет даже лучше, чем с настоящей Юсей, ведь в ее голову не закладывали стыд и страх перед системой. И я уже мечтал, как буду свободен, как, счастливо выдохнув, забуду про все барьеры, забирая жар ее тела снова и снова. Вот только пройдут ее первые месячные...

И да. Следовало позаботиться о том, чтобы она не забеременела. Мне было и одного клона достаточно.

На тот момент все мое тело будто сковывало невыносимой тягой. Я хотел спариваться. Снова и снова. Раз за разом. Вбиваться в хлопающую от желания дырочку. Резко. Сжимая и разводя в стороны ее округлые ягодицы. Растягивать. Приучать. И не думать об огромной пропасти, разверзшейся под моими ногами. Я словно летел до дома Крона, убедившись, что с моей визуализацией в квартире все в норме.

Остановившись перед домом, как можно незаметнее огляделся. Посмотрел на вечно пасмурное небо. Сквозь серую пелену виднелись бледные очертания солнца. Созданный пару веков назад купол выкинул из нашей речи слово «погода». Раньше, по историческим сведениям разрешенной литературы, на улице было перемещение воздушных масс, словно под действием климат-контроля, сверху капала вода, как в душевой кабине, а солнце светило гораздо ярче, так, что на него нельзя было смотреть, чтобы не заболели глаза. Все это осталось далеко в прошлом. Мы родились в другом мире – некоем однообразном инкубаторе размеренных процессов. Все должно происходить в четко ограниченное и строго определенное время. Но не являлся ли весь наш быт одной огромной утопией, поглощающей саму себя?..

Медленно поднявшись по ступенькам, позвонил в звонок. Я ждал чего угодно, но только не сдержанной радости в голосе Эммы.

– Адам, проходи. Ты без предупреждения? Что-то случилось? – она ворковала красивым бархатным голосом, едва слышно.

– А где Крон? – сдержанно поинтересовался я.

– Так ты не знаешь? – Эмма прижала свои маленькие ладошки к покрасневшимся отчего-то щекам и широко улыбнулась. – Его вызвали в СБ, – шепотом проговорила она.

– Зачем? – с легким удивлением в голосе спросил я.

– Предположительно... – она замялась, но в глазах ее не переставали плясать счастливые искорки, – ему должны сообщить нечто очень важное...

Она опустила глаза и на несколько секунд замолчала. Я тоже постарался выдержать паузу, ибо не хотел показаться слишком любопытным.

– Он давно хотел... А теперь... Вот... В общем, его на работу пригласили! – радостно пролепетала Эмма.

– В СБ? – засомневался я.

– Да! Он же еще год назад подавал заявку! А рассмотрели только теперь. Его непременно возьмут, ведь он такой умный, – и она стыдливо опустила глаза, понимая, что выразила мне слишком бурный восторг.

– Повышение, значит? – констатировал я. – Это непременно нужно отметить. Как на счет совместного ужина? – только ради приличия я нес всю эту чушь.

– Ой, Адам... – Эмма будто спохватилась. – А ты-то как? Я от радости совсем забыла о твоём горе...

– Не волнуйся, Эмма, – отмахнулся я, слегка улыбнувшись. – Я почти в порядке.

– Крон постоянно за тебя переживает. И заходит к тебе каждый день... – она сделала паузу, внимательно посмотрев мне в лицо. – Надеюсь, тебе и вправду скоро станет лучше, и ты решишься на повторный брак.

– Я не знаю... – грустно покачал головой, давая Крону возможность и дальше меня «поддерживать» на ежедневной основе.

– Может, чаю? – предложила Эмма. Она очень мила, но, несомненно, глупа, как вполне нормальная жена рядового гражданина. Крону повезло.

– Нет, спасибо. Я просто проходил мимо и решил зайти. Передавай Крону привет... И... – замялся, тщательно подбирая слова, – мне значительно лучше, поэтому пусть сегодня не приходит.

– Передам, – улыбаясь и краснея, пролепетала она.

И нечего заглядываться на мою Юсю. Пусть сегодня своей женой займется, подумал я.

Эмма проводила меня до двери, ласково помахав на прощанье рукой. На секунду мне показалось, что она позаимствовала этот несдержанный чувственный жест из старых книг. Но ведь она не Юся и, насколько мне было известно, по архивам не шлялась. Откуда же тогда у нее появилась эта привычка – ласково махать на прощанье?

Однако, убежденность Эммы в том, что ее муж отправился в СБ за повышением, меня ничуть не успокоила. Скорее наоборот. Но, за неимением других сведений я просто решил подождать новостей, прогуливаясь по безлюдным улицам города. Все работали ровно до шести часов вечера. Только тогда можно было ожидать большого наплыва спешащих домой граждан. Когда-то, по рассказам Юси, люди могли работать круглосуточно, ночью или днем, чередуя смены. Кажется невероятным. И я никак не могу взять в голову, чем же таким они могли заниматься. В наш век автоматизации почти всех процессов мы можем только учиться, поддерживать данный уровень или совершенствовать технологии. Все. На мой взгляд, это довольно просто. Но есть сведения, что раньше нужно было заниматься выживанием. Мы и этому учимся, чтобы осваивать новые планетные пространства. Но познать, как это было без технологий, уже вряд ли удастся.

Итак, я ждал нового сообщения от Крона, делая вид, что прогуливаюсь.

На пути мне попался магазин антиквара. Я очень удивился, потому что помнил – его раньше здесь не было. Кто бы осмелился так открыто начать приоткрывать запретный «занавес»?

Толкнув дверь, услышал над дверным косяком звон колокольчика. Невероятно ласковый. В приглушенном свете мой взгляд сразу наткнулся на пластиковую вывеску: «Не более двух приобретений в одни руки!»

Ага. Все-таки «занавес» был из прочного металла и строго контролировался установленным режимом. Грустно улыбнулся.

За кипенно-белой стойкой стоял коротко стриженный угрюмый широкоплечий мужчина в кипенно-белом костюме.

– Чем могу быть полезен? – его грубый голос никак не сочетался с теми чувственными мелочами, размещенными на полках. О! А тут действительно было, на что посмотреть. Целый стеллаж с маленькими одно-двухмиллилитровыми флакончиками. Я догадался, что это духи. Но как и кто их разрешил показывать? Несколько полок со старинными книгами, наверняка прошедшими не одну ступень цензуры. Многочисленные диски, размещенные в высокой белой стойке, просто заставили меня забыть обо всем. Здесь были записи песен! Я вздрогнул, прогоняя удивление.

– Даже не знаю, – небрежно и без какого-либо интереса в голосе проговорил я. – Я искал аптеку.

– Напротив, – грубо ответил продавец.

– А вы, позвольте узнать, что предлагаете? – как можно равнодушнее спросил я, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не закричать: «О, чудо! Чудо! Вы существуете!!!»

– Барахло, – коротко брякнул грубиян.

– Что, простите? Никогда не слышал ничего подобного.

– Значит, вы не по адресу, – продавец демонстративно отвернулся и принялся вытирать пыль с полок.

– Я ищу Вивальди, – небрежно бросил я.

Продавец резко обернулся и внимательно посмотрел на меня. Я же, напротив, сделал несколько шагов в сторону, шумно выдохнув.

– Не более двух приобретений в одни руки, – монотонно проговорил он, резко развернувшись и потянувшись к верхней полке.

– Спасибо, я понял, – тихо ответил я.

Он положил на стойку маленькую флешку размером с мою пуговицу.

– Что-то еще? – поинтересовался, понизив голос до полусшепота.

– Три аромата весны...

Продавец промолчал. Еще раз посмотрел на меня исподлобья, медленно упаковывая все мои товары. Затем произнес:

– Пакет-холодильник и бутылка газировки в подарок.

Между нами шел бессловесный диалог.

– Не вижу цен, – заметил я приглушенно.

– Двадцать дэн, – произнес он.

– Дороговато, – констатировал я.

– Обычно, – продавец снова нахмурился и отвернулся сразу же, как только прошел мой платеж.

Все верно. Я никогда не встречал таких магазинов. Возможно, он понял, что я, в общем-то, дилетант. Но это уже мало меня волновало. Я торопился в здание напротив. Надо было прикупить в аптеке витамины. Противозачаточные я надеялся заполучить с помощью Крона. Только как ему объяснить?.. Впрочем, я никогда и не скрывал от него истинный смысл выращивания клона. Оставалось надеяться, что его и вправду ожидало повышение, а не заточение за незаконные эксперименты.

Сложив все свои покупки в пакет-холодильник, надежно обеспечивающий сохранность от любопытных взглядов и от сканирования камерами, быстрым шагом оказался по другую сторону от парковки моего аэролета. И остановился в недоумении. Справа находился зоомагазин.

Признаться, я никогда не любил животных. Моя природная брезгливость не позволяла мне даже помыслить о контакте с этими созданиями. Но теперь я думал не о себе, а о Юсе...

В стеклянные клетки были помещены различные виды, обитающие на нашей планете. Я остановил свой выбор на кошке. Понаблюдав около получаса за беспорядочным движением неразумных существ, проанализировав их поведение, относительно себя самого, решил, что

гордость и вместе с тем значившаяся в описании необходимость тактильного контакта с хозяином показались мне нужными качествами в обучении Юси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.